

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 17-го Марта 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11309.

Весеннее.

...Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я не вижу васъ, моя милая дѣвушка.

Какъ это понимать, Лиза?

Вы спрятались, будто чего испугались; я сердился, а теперь нѣтъ, потому что въ вашемъ поступкѣ много дѣтскаго, трогательнаго и жалобнаго.

Дѣвушка въ розовомъ платьице испугалась собственной любви! Ну, развѣ это не трогательно, особенно теперь, когда даже подростки умѣютъ цинично хохотать и бѣсовски соблазнительно улыбаться.

Итакъ, моя золотая бабочка спряталась въ свой перламутровый домикъ, и не видно даже кончика крыльевъ.

А я все время думалъ надъ вами!

Такъ думаютъ надъ прекрасной, но не совсѣмъ законченной рукописью. (Развѣ вы не моя давняя рукопись?).

Новый греческий король Константинъ.

П. Барту,

новый французский премьеръ, принялъ поручение президента составить новый кабинетъ.

Она не знаетъ, что ей нужно, но становится прекраснѣй отъ исправленія. Позвольте же мнѣ, Лиза, немножко исправить ваши ошибки.

Вы удивительно быстро вошли въ мою жизнь, и это случилось потому, что васъ вмѣстѣ съ весной сотворилъ какой то изящный и свѣтлый волшебникъ. И мнѣ стали дорогими ваши глаза, ваши губы, ваши руки.

Вчера—чужія, сегодня милья, вѣдь, это тоже маленькое весеннее чудо!

Испугались... О, да, люди теперь не приносятъ влѣбленныхъ золотыхъ цвѣтовъ, и любовь—всѧ благословеніе, вся чудо—прячется, какъ тѣхъ! Люди сопровождаютъ ее на смѣшкахами... Но, если въ вашей душѣ жи-

Путь недолгій, но онъ тянулся для меня, какъ вѣчность, и мои брови устали хмуриться.

Терраса. У деревянной колонны, вы въ бѣломъ платьѣ, а на немъ тасъясно сквозили пурпуровые солнечные пятна.

Кругомъ старыя деревья и кустарники, занесенные легкимъ зеленоватымъ пухомъ. Въ началѣ аллеи черные сочныя клумбы съ зелеными капельками всходовъ.

Вы не знали, что я пріѣду, но почему же вышли? Почему, именно, васъ я встрѣтилъ первую? Кто знаетъ,—это тоже маленькое чудо!

И случилось странное, будто кто другой завладѣлъ моей волей. Безъ словъ я подошелъ къ вамъ. Снялъ шляпу, низко поклонился, опустился на ступени террасы къ вашимъ ногамъ и цѣловалъ тонкія, слегка холодноватыя руки. И знаете, если бы

бѣть красота, то никогда не подчиняйте ее законамъ черни, напротивъ, свой законъ, свою ясность и красоту несите ей, какъ новое откровеніе, какъ факелъ въ ночь!

У меня есть родственница, коричневая старушка, которая пахнетъ старыми шубами, старой мебелью и домашними кошками.

Что бы я ни дѣлалъ, она всегда находить мои поступки неправильными. Сердится, возмущается, ея губки собираются складочками, точно плиссированный воротничекъ, и милая старушка еще сильнѣе начинаетъ благоухать нафталиномъ.

Но, согласитесь сами, что будешь и глупо, и смѣшно, если я вѣдумаю подчиниться этому прошлому вѣку, этой консервированной морали.

Ее просто забыли похоронить, но въ такомъ случаѣ надо стараться, чтобы она не портила солнечныхъ дней.

Золотая бабочка улетѣла...

Я понимаю теперь, какъ это случилось.

Былъ чудесный день. Въ такие дни сама земля поетъ пѣсни,—надо только прислушаться. Я поднялся рано-рано и тоже пѣлъ. Раскрылъ окна, любовался небомъ и солнцемъ, жадно вдыхалъ густой и ароматный воздухъ, словно пилъ вино. Но томило какое то странное безпокойство, и я все не понималъ, что, собственно, происходитъ со мной. И вдругъ понялъ,—мысль о васъ. Ахъ, какая чудесная, яркая и чарующая мысль!

Я засмѣялся, какъ школьникъ, котораго учитель пѣймалъ за шалость.

Я подумалъ:

— Солнечный день безъ Лизы—преступленіе! Вѣдь, она только прелестное недоразумѣніе, если не красота весны!

И вотъ, я отправился къ вамъ на дачу.

Поэтъ Жанъ Ришпенъ, почетный членъ французской академіи наукъ.

(Къ пріѣзду его въ Россію).

кругомъ были цѣлые толпы народа, я такъ же поклонился бы вамъ, такъ же осыпалъ бы поцѣлуями ваши руки. Наши глаза встрѣтились. Ваши были ясны и счастливы, какъ озеро подъ солнцемъ. Въ эту минуту, безъ словъ, мы поняли другъ друга, во всемъ признались.

Въ эту минуту ваши руки, хрупкія плечи, глаза, линіи тонкой фигуры были краснорѣчивѣе самой богатой и великолѣпной поэмы!

Мы пошли съ вами къ рѣкѣ, и тамъ, у серебряно-голубой воды, которая такъ радостно плескалась вдоль берега, вы сказали мнѣ:

— Я цѣлую недѣлю думала о васъ... Только это. Тихимъ голосомъ, съ застѣнчивой улыбкѣй. Больше ни сло-

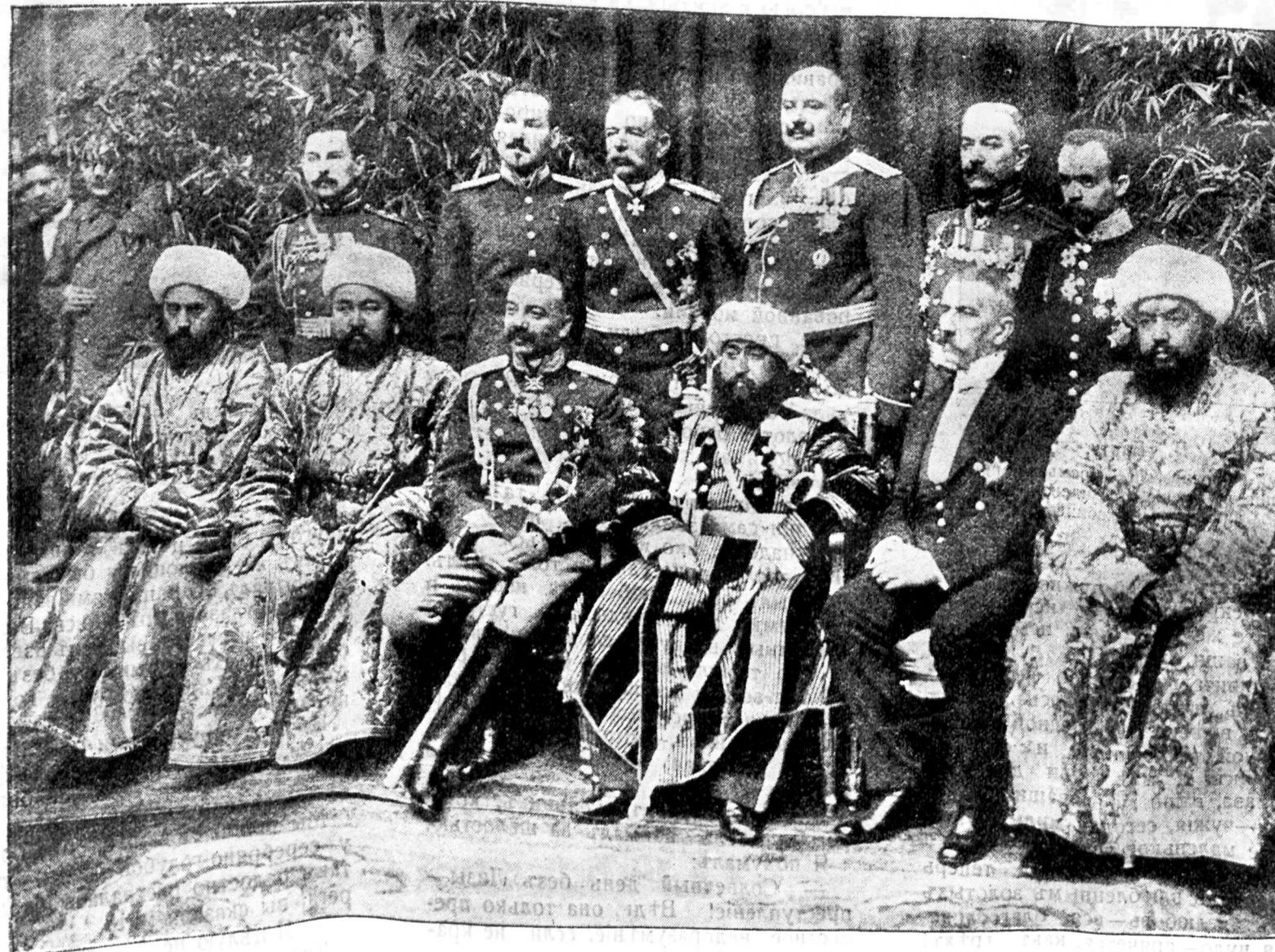
† Городской голова г. Петербурга д. ст. сов.
И. И. Глазуновъ,

известный общественный деятель, собственник крупной издательской и книгородавческой фирмы.

Председатель Совета министровъ В. Н. Коковцевъ въ формѣ вольноопредѣляющагося л.-гв. уланского полка.

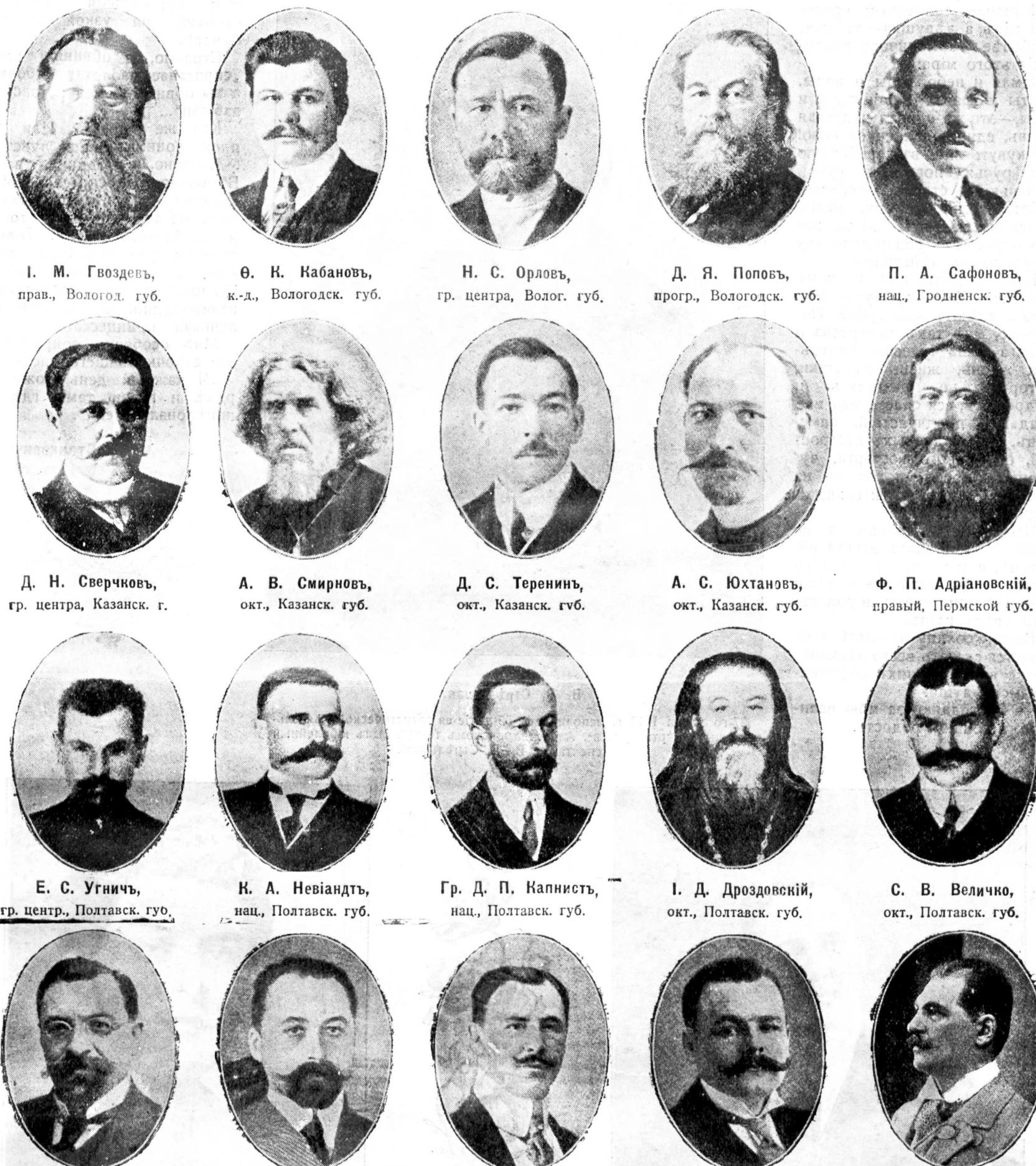
Созданъ въ К. Казанск.
15 февр. 1875.

Автографъ В. Н. Коковцева.

Прибывшій на юбилейные торжества въ Петербургъ Его Высочество Эмиръ Бухарскій со свитой.

Члены 4-й Государственной Думы.

И. М. Гвоздевъ,
прав., Вологод. губ.

Ф. К. Кабановъ,
к.-д., Вологодск. губ.

Н. С. Орловъ,
гр. центра, Волог. губ.

Д. Я. Поповъ,
прогр., Вологодск. губ.

П. А. Сафоновъ,
нац., Гродненск. губ.

Д. Н. Сверчковъ,
гр. центра, Казанск. г.

А. В. Смирновъ,
окт., Казанск. губ.

Д. С. Теренинъ,
окт., Казанск. губ.

А. С. Юхтановъ,
окт., Казанск. губ.

Ф. П. Адриановский,
правый, Пермской губ.

Е. С. Угничъ,
гр. центр., Полтавск. губ.

К. А. Невіандъ,
нац., Полтавск. губ.

Гр. Д. П. Капнистъ,
нац., Полтавск. губ.

І. Д. Дроздовскій,
окт., Полтавск. губ.

С. В. Величко,
окт., Полтавск. губ.

В. П. Шеинъ,
нац., Тульской губ.

Князь Д. Д. Урусовъ,
прогр., Ярославск. губ.

Г. А. Вишневскій,
нац., Киевской губ.

А. Е. Бадаевъ,
с.-д., С.-Петербург. губ.

Кн. С. П. Мансыревъ,
к.-д., г. Рига.

ва. Но мы уже, какъ зачарованные, совсѣмъ близкіе, смотрѣли вдали. Зеленый лугъ дымился за рѣкой, а слѣва—старая роща, точно нарисованная нѣжной сиреневой краской.

Но я думаю, что наши глаза видѣли совсѣмъ другое. Сказочные города, залитые солнцемъ. Бѣлые храмы и бѣлые дворцы съ золотыми колоннами. Озера, по которымъ скользили

серебряные лодки съ голубыми шелковыми парусами. И надѣль этимъ міромъ сказки съ долгими томящими пѣснями пронсились бѣлые, желтые и красныя птицы...

Вотъ почему прогнула ваша рука въ моей, и вы прощали:

— Господи, какъ хорошо мнѣ!..

И вругъ склонилась ваша головка. Псевьяль мѣвъ лицо безумно слад-

кій запахъ вашихъ волосъ, и я поцѣловаль ваши губы и ваши щеки, румяныя и твердыя, какъ яблоки.

Этого дня нельзя забыть!

Дѣже въ городѣ, даже ночью мнѣ казалось, что высоко въ воздухѣ съ томящими пѣснями проносится бѣлые, желтые и красныя птицы...

А потомъ спряталась золотая ба-

Но почему? Вѣдь, поцѣловать—это, значитъ, причас-
титься губъ, глазъ, лица.

Я люблю солнечный краси-
вый міръ, а дѣвшушка—лучшая,
наиболѣе гармоничная реали-
зация этого міра.

Земля и небо, горы и воды,
цвѣты и травы, ваши глаза и
губы,—это же единая чудесная
жизнь, единое солнечное вино!

Окунуть лицо въ серебряную
воду ручья, погладить рукой
бѣленъкій стволъ березки,
спѣть пѣсню солнцу, низко
поклониться вамъ,—вѣдь, все
это одно, нѣтъ разницы между
всѣми этими дѣйствіями.

Какъ живете вы? О чемъ
думаете? Какъ цвѣтутъ мои
глаза, алѣютъ мои губы? По-
вѣрьте, мнѣ такъ интересна и
дорога ваша чудесная малень-
кая жизнь, жизнь дѣвшушки,
которую не разгадать и
мудрецамъ, вся сплетенная изъ
сладкихъ предчувствій, наме-
ковъ, неожиданныхъ настрое-
ній, стыдливаго восторга, чу-
десныхъ грезъ, похожихъ на
дрему, и восхитительныхъ
вѣрованій.

Что будетъ дальше—я не
знаю. Но мой щитъ всегда на-
готовѣ, и мечъ всегда въ моей
рукѣ, чтобы охранить и ваши
сны, и ваши грезы, и радост-
ный цвѣтъ глазъ.

Вамъ, солнцу и землѣ мнѣ
хочется сказать всего нѣсколь-
ко словъ. И въ нихъ содержа-
ние мсей души:

— Благодарю за мою вели-
кую весеннюю радость.

В. В. Стрѣльская.

27-го марта 1912 г. исполнилось 55-лѣтіе ея артистической дѣятель-
ности; 8 марта т. г. въ Александринскомъ театрѣ былъ юбилейный
спектакль В. В. Стрѣльской.

Ахъ, простите меня, Лиза,
я до сихъ поръ, собственно,
не отвѣтилъ на ваше письмо.
Эти коротенкія вьющіяся
строчки на узкой зеленой
бумагѣ.

Странно, я обвиняю васъ:
„спряталась „золотая бабочка“
а вы обвиняете меня: „совсѣмъ
забыли“...

Кто же правъ? Или мы
плохо понимали наше чувство?

Конечно, я пріѣду къ вамъ.
Вѣроятно, въ воскресенье. Мнѣ
кажется, что я снова увижу
васъ на террасѣ, какъ тогда,
и въ бѣломъ платьѣ. Только
деревья уже совсѣмъ зеле-
ныя, а на клумбахъ цвѣты.
Вы пишете, что у васъ теперь
великолѣпно. О, да, моя ма-
ленькая принцесса!

Мнѣ особенно понравились
эти строчки вашего письма:

„Я каждый день хожу къ
рѣкѣ и гуляю тамъ, гдѣ вы
поцѣловали меня“.

Ал. Станкевичъ.

П
п
П

512

Артистъ Импер. театровъ Д. Смирновъ.

Артистъ Импер. театр. М. Н. Каракашъ.

(КЪ ГАСТРОЛЯМЪ ВЪ ХАРЬКОВѢ).